

*Е.В. Михайлова**

**ОТ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА К ПРОЦЕССУ УГОЛОВНОМУ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

(Рецензия на издание: Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов: в 2 т. / под ред. Е.А. Борисовой, Л.В. Головки. М.: Юстицинформ, 2014. 544 с.; 340 с.)

Статья посвящена анализу новой книги, приуроченной к 150-летию Судебной реформы 1864 года. Издание подготовлено двумя ведущими процессуальными кафедрами Московского университета им. М.В. Ломоносова – кафедрой гражданского процесса и кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора. Рецензируемая работа содержит глубокий историко-правовой анализ предпосылок принятия, содержания и практики применения важнейших процессуальных актов того времени – Устава гражданского судопроизводства и Устава уголовного судопроизводства. Основные идеи, принципы данных законов раскрываются в статье в связи с современными преобразованиями в судебной сфере.

Ключевые слова: гражданский процесс, уголовный процесс, Судебная реформа 1864 года, принципы гражданского процесса, пересмотр судебных актов в уголовном процессе, мировые судьи, следствие, прокуратура, суд присяжных.

Рецензируемое издание подготовлено ведущими российскими учеными-процессуалистами, докторами и кандидатами юридических наук, профессорами и доцентами Московского университета им. М.В. Ломоносова. Оно посвящено Судебной реформе 1864 года и представляет собой комплексное, глубоко теоретическое научное исследование двух крупнейших процессуальных законов – Устава гражданского судопроизводства и Устава Уголовного судопроизводства. Поскольку Уставы, хотя и едины в своей процессуальной природе, но различны по своему назначению, такого рода труд требовал совместной работы представителей как науки цивилистического процесса, так и уголовного. Двухтомник вышел из-под пера научного коллектива, представляющего две процессуальные кафедры Московского университета им. М.В. Ломоносова – кафедры гражданского процесса и кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора. Так как отечественное судопроизводство переживает очередной этап реформирования, наследие Судебной реформы 1864 года вновь востребовано, а потому его научное исследование все еще актуально.

Авторы исследования указывают на те недостатки российского судопроизводства, которые привели общество и власть к мысли о необходимости серьезных преобразований в сфере правосудия. Это «ужасающе медленный ход рассмотрения гражданских дел, установление различных формальностей и существование письменной системы» (Т. 1, с. 35). Помимо прочего, в тот исторический период значительное количество гражданских споров рассматривалось не судом, а полицией, которая не только разре-

* © Михайлова Е.В., 2015

Михайлова Екатерина Владимировна (e.v.mihailova@yandex.ru), кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

шала отнесенные к ее ведению гражданские дела, но и осуществляла вмешательство в рассмотрение гражданских дел, находившихся в ведении суда (Т. 1, с. 41), что позволяло говорить о верховенстве полиции над судом (Т. 1, с. 43). Не лучше обстояло дело в уголовном судопроизводстве. Неразделенность судебной, исполнительной и административной властей предопределяла неэффективность уголовного правосудия и была более нетерпима. Добавим к этому взяточничество среди чиновников, в том числе судей, а также физический и нравственный облик лиц, исполнявших судебские обязанности (Т. 1, с. 48). Многие из указанных проблем не решены и в наши дни, и это обстоятельство придает высокую актуальность рецензируемому исследованию.

Сегодня перед правовым сообществом стоит та же глобальная задача, что и в период до 1864 года, – создание единого гражданско-процессуального кодекса. Новый, единый кодекс гражданского судопроизводства должен устанавливать общие процессуальные правила рассмотрения и разрешения гражданских дел как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами. В этой связи отметим, что в рецензируемой работе весьма познавательно описываются способы исправления недостатков законов о судопроизводствах, о которых Императору Николаю I было сообщено в пояснительной записке Министерства юстиции. Таких способов было предложено два: отдельный и систематический; указывались недостатки первого, предпочтительность второго и предлагались конкретные меры систематического исправления: предварительные и окончательные. Предварительные: обозреть сначала все судопроизводство гражданское и потом уголовное во всем его составе и кратко, но точно показать все его недостатки и неудобства; сравнить разные системы судопроизводства по теории их и практике и извлечь из этого главные начала той системы, какая у нас может быть наиболее свойственна; и только потом приступить к окончательной работе. Окончательные же меры сводились к непосредственной работе над законопроектом (Т. 1, с. 26–27). Думается, эти способы и меры по исправлению недостатков процессуальных законов важно учитывать и сегодня. Законотворческая деятельность не должна быть спонтанной, бессистемной и скоропалительной. Также интересно, что определенные различия между процессуальными порядками рассмотрения собственно гражданских дел и дел коммерческих существовали уже в дореформенный период: «Уставом судопроизводства коммерческого 1832 года были введены присяжные стряпчие, состязательность и в большей степени устность процесса. Вместе с тем преимущества производства по коммерческим делам не имели ни малейшего влияния на общее гражданское судопроизводство» (Т. 1, с. 23).

В работе показано, с помощью каких правовых преобразований были устранены основные недостатки дореформенной судебной сферы. Например, «свидетельством отделения власти судебной от власти исполнительной стало создание в России нового судебного учреждения под названием «мировой суд» (Т. 1, с. 58); «Государственный Совет утрачивал право отмены судебных решений.... Помимо этого отделение судебной власти от властей законодательной, исполнительной выразилось в отмене существовавшего в дореформенном гражданском процессуальном законодательстве запрета судебным местам решать дела при неясности и неполноте закона» (Т. 1, с. 54).

Авторы исследования полагают, что следствие, составлявшее в то время квинт-эссенцию уголовного судопроизводства и делившееся на предварительное и формальное, было несопоставимо с судебным производством. «Достаточно сказать, что в законе она [судебная часть] именовалась “Порядок рассмотрения и дополнения следствия” ... Основной задачей суда, пожалуй, была правильная оценка доказательств» (Т. 2, с. 18). В работе сделан вывод о том, что важным преобразованием явилось изменение роли суда, фактическое «подчинение» ему следствия. Кроме этого, «дореформенные предварительное и формальное следствия не были двумя обособленными

видами досудебного расследования, а входили в его состав в качестве необходимых последовательных частей. ...Именно это деление следствия в дореформенном уголовном процессе на предварительное и формальное легло в основу дальнейшего разделения досудебного производства на дознание и предварительное следствие. ...В этом эпохальном нормативном акте дознание и предварительное следствие по целям и задачам отделялись друг от друга» (Т. 2, с. 73–74,77). Что касается дознания, то «разработчики Реформы положили в ее основу идею отделения судебной власти от власти административной, что должно было выражаться в передаче следственных полномочий судебному органу с оставлением за полицией выполнения первоначальных и вспомогательных действий (дознание)» (Т. 2, с. 137).

Судебная реформа 1864 года, как отмечают авторы работы, впервые обеспечила полноту судебной власти в уголовном судопроизводстве. По их мнению, полнота судебной власти обеспечивалась: судебным характером доказывания; появлением следственного начала в деятельности суда; предварительное следствие было поставлено под судебный контроль; суд, рассматривавший дело по существу, обладал процессуальными инструментами по восполнению пробелов доказательственной базы; тем фактом, что если предъявленное подсудимому обвинение не подтверждалось судебным следствием, то прокурор был обязан «заявить о том суду по совести» (Т. 2, с. 179–181).

Авторы исследования справедливо обращают внимание на своевременность отказа Уставов от так называемой формальной оценки доказательств. «...Есть один несомненный порок, присущий классической теории формальных доказательств... – институт “оставления в подозрении”. “При недостатке полных доказательств”, но при наличии “некоторых улик” суд был в прав, исходя из обстоятельств дела, оставить подсудимого в “простом” подозрении или в подозрении, сопряженном с отдачей на поруки», – отмечено в работе (Т. 2, с. 19–20). В целом одним из наиболее революционных моментов реформы явился новый подход к оценке судебных доказательств. За основу был взят принцип свободной оценки доказательств и в работе описан этот принцип и показана его связь с аналогичным принципом в процессуальном законодательстве ряда европейских стран (Т. 1, с. 219). В сфере уголовного судопроизводства основным направлением Реформы также становится принцип внутреннего убеждения судей при оценке ими доказательств (Т. 2, с. 49–50, 55).

Другим важнейшим преобразованием, направленным на устранение существовавших недостатков дореформенной эпохи, было установление основных принципов гражданского и уголовного судопроизводства.

Как правильно отмечено, «одна из главных задач, которую было призвано решить новое гражданское процессуальное законодательство, заключалась в том, чтобы вместо следственного процесса в гражданских тяжбных делах принять процесс состязательный» (Т. 1, с. 74). В работе показано основное отличие состязательного процесса от следственного, которое заключается в том, что «деятели в судопроизводстве являются сами стороны» (Т. 1, с. 74). В УГС 1864 года были закреплены те правила, которые существуют и сегодня: суд приступает к производству не иначе как по просьбе заинтересованной стороны и разрешает дело не иначе как по заслушиванию объяснений противной стороны; истец должен доказать свой иск; ответчик, возражающий против требований истца, должен доказать свои возражения; суд ни в коем случае не собирает сам доказательств или справок, а основывает решение исключительно на доказательствах, представленных тяжущимися; суд не имеет права ни постановлять решение о таких предметах, о которых не предъявлено требования, ни присуждать более того, что требовалось тяжущимися (Т. 1, с. 87–88). Важным подтверждением перехода к состязательному судопроизводству является приведенная норма ст. 3 УГС,

в соответствии с которой «правительственные места или лица были не вправе ни разрешать спорных обстоятельств, возникших при рассмотрении ими какого-либо дела и подлежащих судебному рассмотрению, ни передавать это дело в суд, а только могли объявить просителю, что он вправе обратиться с иском в соответствующий суд (Т. 1, с. 89). Авторы работы убедительно демонстрируют связь данных установлений с современной моделью гражданского судопроизводства.

В работе отмечается появление в 1864 году принципа устности. Авторы полагают, что устность не должна быть безграничной и именно «правильный баланс между устностью и письменностью рассматривался как одно из главных достоинств Устава» (Т. 1, с. 119). Этот момент нужно учесть при разработке нового гражданско-процессуального кодекса, т. к. арбитражный процесс всегда «отдавал предпочтение» письменному началу, а гражданский – устному. Однако учитывая тот факт, что уголовному судопроизводству также присущ принцип устности, хотелось бы видеть в работе более четкую связь гражданского и уголовного судопроизводства, которые основаны на общих принципах в силу своей единой публично-правовой природы.

Пожалуй, сугубо отраслевым принципом гражданского процесса можно назвать лишь принцип диспозитивности. Опираясь на работы целого ряда ученых, в рецензируемом труде сделаны важные выводы о связи диспозитивности и состязательности гражданского процесса, основных проявлениях диспозитивности в процессуальной сфере. При этом авторы обращаются и к разработкам советского периода, осуществляя таким образом максимально полный анализ доктринальных источников. Не ограничиваясь этим, авторы работы анализируют также процессуальное законодательство того времени (ГПК РСФСР 1964 года). Большое внимание уделено дискуссионному вопросу о праве сторон изменить свое исковое требование.

В работе правильно отмечается, что Устав гражданского судопроизводства лишь заложил основы принципа непрерывности, и этому немало способствовали нормы Устава уголовного судопроизводства. Показано, что впервые правило о том, что «судебное заседание по каждому делу должно происходить непрерывно, за исключением времени, необходимого для отдохновения», появилось именно в уголовно-процессуальном законодательстве того времени (Т. 1, с. 150–151).

Дореформенный судебный процесс по гражданским делам был «закрытым». Господствовавшему в то время следственному процессу была свойственна такая черта, как «канцелярская тайна». Установив общее начало публичности в гражданском процессе, УГС 1864 г. допускал из этого правила определенные изъятия, схожие с теми исключениями из принципа гласности, которые присущи и современному ГПК РФ: когда публичный разбор дела мог быть предосудительным для религии, общественного порядка или нравственности; когда об этом будут просить обе стороны и суд найдет эту просьбу заслуживающей внимания; рассмотрения дел о содержании внебрачных детей; рассмотрения дел о таких привилегиях на изобретения, которые не подлежат опубликованию, а должны сохраняться в тайне; об узаконении детей (Т. 1, с. 159). Как и сегодня, почти во всех случаях решение объявлялось публично.

В исследовании интересно и познавательно описаны порядки производств по делу (то, что сегодня мы называем видами гражданского судопроизводства). Подробно описан такой вид гражданского судопроизводства, как охранительное (неисковое, бесспорное) производство. Авторы достаточно убедительно доказывают свою мысль о том, что охранительное производство того времени «совершенно отлично от охранительного судопроизводства в нашем понимании. Такое охранительное судопроизводство можно истолковать как в духе производства по делам из публичных правоотношений, и в духе одного из проверочных производств, напоминающих производство в суде второй инстанции, так и в духе только некоторых категорий дел особого про-

изводства (например, по оспариванию нотариальных действий или отказа в их совершении)» (Т. 1, с. 267). С этим мнением можно согласиться, в работе оно достаточно аргументировано. Важно и то, что ученые того времени единодушно признавали самостоятельность охранительного производства и невозможность рассматривать в его рамках спорные дела (с. 289 Т. 1).

Выделенный авторами рецензируемой работы общий недостаток дореформенного процессуального законодательства (как гражданского, так и уголовного), заключающийся в медленном ходе судебного рассмотрения гражданских и уголовных дел, бюрократизации судебной сферы, был особенно очевиден при обжаловании судебных постановлений. Отмечается многочисленность судебных инстанций, замедляющих ход дел. Описаны недостатки судопроизводства по жалобам, приносимым на судебные места. Правило о двойном рассмотрении дела по существу, всегда поддерживавшееся в науке гражданского процесса, с принятием УГС получило практическую реализацию. Это правило предполагало, что решение суда второй инстанции будет правильным, окончательным и подлежащим немедленному исполнению. Однако нельзя было исключать и того, что апелляционным судом могут допускаться нарушения «форм и обрядов судопроизводства», неправильное определение обстоятельств дела, ошибочное применение норм материального права, в связи с чем в составе Сената был учрежден верховный кассационный суд, который рассматривал просьбы об отмене решений апелляционного суда (Т. 1, с. 343). Таким образом, читателю становятся понятны истоки «ограничения» кассационной инстанции правом пересмотреть дело лишь в случаях явного нарушения или неправильного применения закона. Интересно и то, что изначально была реализована идея «единого кассационного суда». Особый интерес представляет вопрос о новых доказательствах в апелляционном производстве. По УГС 1864 года допускалось их представление в суд апелляционной инстанции, хотя в науке высказывались мнения о том, что это не справедливо по отношению к суду первой инстанции, чье решение априори не могло быть правильным в условиях непредставления тяжущимися всех доказательств по делу (Т. 1, с. 360). Также весьма интересен вопрос о залоге правой кассации (Т. 1, с. 369). Думается, подобное правило могло бы быть уместным и в настоящее время.

Еще одним важным преобразованием 1864 года явилось установление судебного контроля за исполнением судебных постановлений. Авторы верно отмечают, что, к сожалению, эффективность исполнительного производства в нашей стране всегда была невысокой. В книге, в частности, приведена цитата из отчета Самарского окружного суда, в которой говорилось: «Опыт свидетельствует, что выиграть правое дело нетрудно, но взыскать по решению суда почти невозможно...» (Т. 1, с. 401). УГС же установил ряд элементов ведомственного контроля суда за судебными приставами: должность судебного пристава была определена в штате суда; экзамены для получения звания нужно было сдавать в суде; назначение на должность осуществлялось председателем суда и др. Однако, как правильно подчеркивают авторы, деятельность судебного пристава по исполнению суд не вправе был контролировать. Суд мог отменить те или иные действия судебного пристава лишь в случае поступления жалобы одной из сторон. Как известно, в современном исполнительном производстве существует аналогичное правило. Думается, это вполне соответствует диспозитивному началу гражданского судопроизводства, но, как верно указывают авторы работы, «неопределенность положения судебного пристава негативно отразилась на эффективности системы исполнения» (Т. 1, с. 400). Поэтому основное назначение Реформы применительно к исполнительному производству виделось ее разработчикам именно в усилении контроля за ним суда. Однако предложения подобного рода УГС восприняты не были.

Одним из символов, знаменующих окончательное отделение судебной власти от законодательной и исполнительной, явилось создание в нашей стране института мировых судей. Авторы полагают, что «судопроизводство у мирового судьи ставило главными задачами приближение правосудия к населению, ускорение и упрощение разбирательства малозначительных дел, содействие примирению сторон» (Т. 1, с. 423). Для производства у мирового судьи УГС устанавливал упрощенную процедуру, которая дошла до наших дней. «Сравнивая результаты Судебной реформы 1864 года и судебной реформы новой России (дата ее начала у нас не определена, поэтому она и не отмечается) в области создания мировой юстиции, следует отметить, что ничего общего между мировыми судьями, учрежденными в ходе этих реформ (кроме их названия) нет. «Новые» мировые судьи, по сути, таковыми не являются, и было бы правильно переименовать их, например, в участковых судей», — считают авторы книги (Т. 1, с. 438). Мнение это небесспорное, но имеющее свои основания.

Большое внимание уделяется судьбе прокуратуры в дореформенный и послереформенный периоды. Отмечается, что «в результате реформы правовой статус прокуратуры претерпел радикальные изменения. Ведущее место в ее деятельности заняла функция уголовного преследования (Т. 2, с. 151). Также указывается, что именно влияние зарубежного опыта правового регулирования организации и деятельности прокуратуры в значительной степени привело к сокращению ее надзорной функции (Т. 2, с. 156).

Большой интерес представляет глава, посвященная рождению суда присяжных, отношение к которому до сих пор весьма неоднозначное. Авторы считают, что «введение суда присяжных в России не только решало сугубо юридическую задачу, но также имело политическое значение. Оно заключалось в ограждении личной свободы, что могло быть обеспечено только независимым и равным для всех судом. Укрепление доверия к судебной власти способствует устойчивости правопорядка и гражданскому миру» (Т. 2, с. 197). В целом отношение авторов издания к институту мировых судей положительное: «Рожденный в ходе Судебной реформы суд присяжных, несмотря на непростые условия его существования, становился важным социальным институтом, воплощением идеалов независимого правосудия, поэтому защита суда присяжных от несправедливых обвинений — это защита демократических принципов судопроизводства, наиболее полно выраженных при данной форме суда с участием представителей народа» (Т. 2, с. 208).

Весьма познавательна и интересна та часть работы, в которой описывается Судебная реформа и ее влияние на общее развитие правовой культуры. Авторы рассказывают об Университетской реформе и о таком редко упоминаемом в литературе явлении, как дисциплинарное университетское правосудие. Весьма интересно читать о т. н. профессорских дисциплинарных судах, порядке их формирования и организации их деятельности (Т. 2, с. 212–218), о компетенции Профессорского дисциплинарного суда (Т. 2, с. 218–223), порядке рассмотрения им дел (Т. 2, с. 223–228). Это, можно сказать, уникальные данные.

Издание «Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов» в целом — это значительное явление в современной правовой науке, глубокое, комплексное историко-правовое исследование в области цивилистического процесса и уголовного судопроизводства. Оно вносит значительный вклад в развитие процессуальной науки в целом, способствует развитию и пониманию идеи унификации процессуального законодательства.

*E.V. Mikhailova**

**FROM CIVIL PROCEDURE TO CRIMINAL PROCEDURE:
HISTORY AND MODERN TIMES**

(Review of the edition: *The Great Reform: 150th anniversary of the Judicial Statutes: in 2 vol.* E.A. Borisova, L.V. Golovko (ed.). M.: Iustitsinform, 2014. 544 p.; 340 p.)

This article analyzes the new book, dedicated to the 150th anniversary of the Judicial Reform of 1864. This publication was prepared by two leading procedural departments of Lomonosov Moscow State University – the Department of Civil Procedure and the Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Supervision. The reviewed work contains deep historical and legal analysis of preconditions of acceptance, content and practical application of the most important procedural acts of the time – *Statute of Civil Procedure* and *Statute of Criminal Procedure*. The basic ideas and principles of these laws are revealed in the article in connection with modern changes in the judicial sphere.

Key words: civil procedure, criminal procedure, Judicial Reform of 1864, principles of civil procedure, revision of judicial acts in criminal proceedings, Justices of the Peace (magistrates), investigation, public prosecution service, trial by jury.

* *Mikhailova Ekaterina Vladimirovna* (e.v.mihailova@yandex.ru), Department of Civil Procedural and Entrepreneurial Law, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.